

В ОГРОМНОМ потоке развлекательной «продукции» кино, театра и телевидения всегда есть исключения из правил. О них, об исключениях, немного потом. Но в целом, мне кажется, стереотип развлекательного искусства, как он сложился сейчас, нас явно не устраивает. Вот и участники дискуссии в «ЛГ» приходят к тому же выводу.

Одна из задач такой дискуссии — обозначить некие приемлемые критерии в этом вопросе. Потому что формула «нравится—не нравится», хоть и доступна каждому из зрителей, мало нам поможет.

Что же такое хорошо и что такое плохо в том, как мы развлекаемся? Что есть развлекательное искусство вообще?

Почему мы вот уже несколько десятилетий с таким интересом следим за творчеством Аркадия Райкина? Да потому, что он оперирует нашим жизненным и эмоциональным опытом. Каждая его интермедия имеет самое прямое отношение к окружающей действительности. Развлекательно ли это? Да, конечно, ведь мы смеемся. Но вспомним слова Маркса: человечество весело расстается с прошлым. Это уже задача нравственная. На протяжении многих лет Райкин, развлекая нас, настойчиво напоминает о нашем несовершенстве. Такое развлечение далеко от простого коротания досуга. Оно содержательно.

А может быть, стоит иной раз и просто развлечься? Бесцельно, бездумно? Отвлечься от проблем, выключить свой мозг — пусть отдохнет. Да полно, возможно ли это? Не случайно, размышляя о растлевающем влиянии буржуазного искусства на души людей, мы прежде всего вспоминаем о бездумности этой продукции — о голливудских снах, о

телевизионных миражах, обо всем том, что уводит из мира реальности в мир бесплодных, в сущности, грез.

Для меня искусство не существует вне такого понятия, как нравственность. Нравственна и задача того искусства, которое мы весьма условно называем развлекательным. Задача эта — что-то в нас изменить.

«Плотничьи рассказы» Василия Белова — это развлечение? Удивительно! Его бухтины вологодские смешны? Очень! Ведь прочитаешь та-

Олег ТАБАКОВ:

ПОЛИФОНΙΑ... ИЗ ТРЕХ НОТ

кое — словно бы в живой воде искупался. Искусство несет в себе обновление каждому, кто с ним соприкоснется. И это качество мне представляется важнейшим.

Русская литература всегда учила, как жить. Читаешь Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Булгакова, проходишь через эти бани, где тебя парят смехом и сатирой, и обязательно растаешься с чем-то в себе, учишься ненавидеть зло и в себе, и в людях. Это — в традициях нашей культуры. Бесмыслица как таковая всегда ею отвергалась. У нас ум природно критичный, и вне попытки осмыслить себя неинтересно мне развлечение! Его хватит на пять минут, а после неизбежно отключишься, начнешь замечать полноту актрисы или морщинки на лице актера, огрехи оформления...

Когда же мне интересно? Когда выступает Райкин или когда Дмитрий Журавлев — не только читает, но и рассказывает о творчестве Свя-

тослава Рихтера. Или когда театровед Наталья Крымова делает свои наиболее удачные передачи. Когда Георгий Товстоногов размышляет о проблемах театра. Развлекательно ли это? Не знаю. Уверен, что интересно.

Я очень люблю певицу Аллу Пугачеву. Люблю так, как любят людей, умеющих что-то такое, чего мы сами не можем. Но смотрю иные ее выступления — и думаю: а куда ей двигаться дальше? Как было бы, наверное, интересно, если бы

менял профессию» и совсем не могу совладать с собой, когда смотрю «Инкогнито из Петербурга» — здесь привычная Гайда форма существует вне содержания и без него. И возникает — на материале Булгакова и Гоголя! — зрелище бездумное.

Говоря о содержательности нашего развлечения, я вовсе не становлюсь на точку зрения тех, кто даже «Голубой огонек» готов превратить в отчетное мероприятие. У разных жанров разные задачи; каждый из них удовлетворяет разные

Развлечение ли это? Несомненно. Только ли развлечение? Нет, конечно, ведь фильм рождает желание стать лучше, сильнее, отважнее.

Такие жанры, как мелодрама и детектив, потому и называются массовыми, что тяга к ним огромна. Искусство должно учитывать эту тягу. Другой вопрос, можно ли удовлетворять ее беспредельно. Нельзя все время есть только пирожные. «Песняров» по ТВ показывают нечасто — и это каждый раз праздник. Превратите праздник в будни — начнется инфляция.

В своем диалоге с И. Ильинским («ЛГ», № 15) М. Соколов вспоминает, что и Нежданова, и Обухова не гнушались развлекательных жанров — они пели романсы. Романсы! Сейчас мы их уже держим по ведомству «серьезной музыки». Сегодня развлечение — это неизбывные ВИА, это «дискос». Мы явно сдаем позиции, мы пытаемся создать полифонию уже из трех нот. Что дальше? Две ноты, одна? Заметьте: в русской литературе, даже в известных «книжках-копейках», в массовой серии, издаваемой Горьким, из рассказов Чехова и Толстого никогда не делали дайджест. Художник не превращал свое искусство в ширпотреб. Это противопоставлено русской культуре, это с ней несовместимо.

Когда мы думаем о массовом искусстве — надо думать прежде всего о качестве. С этого надо, по-моему, начинать, а не с того, чтобы транспонировать мелодию пониже, обработать ее попроще. В самой посылке дискуссии «ТВ: час развлечений и... минуты раздумий» я вижу подобную опасность. «Давайте подумаем о развлечении!» То есть о чем-то, что будут потреблять люди менее сложные, чем мы с вами? Обухова и Нежданова не снисходили к аудитории — они видели в слушателях единомышленников.

В конечном итоге все упирается в систему эстетических координат. В искусстве нельзя объявить «год воспитания» или «месячник развлечений». Хотя надо бы объявить свою «пятилетку качества». Тогда было бы и воспитание, и развлечение — в сопряжении, в тесном взаимодействии, в органической необходимости друг другу. Потому что развлекать — вовсе не значит отвлекать от жизни...

духовные потребности человека. Есть в нас и потребность «над вымыслом слезами обилься», и желание поставить себя на место сильного героя, почувствовать себя такими же ловкими, как гимнасты под куполом цирка, такими же неунывающими, как ярко раскрашенные клоуны. В этом смысле и мелодрама, и детектив, и цирковое представление, и эстрадное ревю содержательны, если они талантливы. Жанр сам по себе не может быть ни низким, ни высоким.

Вот, к примеру, появилась картина А. Митты «Экипаж». Это серьезное освоение нового для нас жанра. Родилось ли у нас сопереживание героям фильма? Несомненно. Значит, мы не провели время бесмысленно.

Но не начнем же мы утверждать, что изображенное в «Экипаже» и есть будни Аэрофлота! Это самое опасное, когда в искусстве происходит подмена понятий, когда пытаются одно выдать за другое: сказку (которая тоже есть своеобразное отражение реальности) — за быль, аттракцион, необходимый для «гимнастики чувств», — за социальный, экономический, нравственный анализ жизни. Тогда и возникает девальвация нашего отношения к искусству, нашей веры в него, наших требований к нему. Авторы «Экипажа» не ставили перед собой задачу анализировать. Митта ищет на своей, избранной для этого фильма, территории — и побеждает.

30 APR 1986
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
Г. МОСКВА